

Морозова Ирина Станиславовна

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой акмеологии и психологии
развития, директор Института образования
Кемеровского государственного университета

Morozova Irina Stanislavovna

D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Acmeology
and Developmental Psychology Department,
Director, Institute of Education,
Kemerovo State University

Белогай Ксения Николаевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры акмеологии
и психологии развития
Института образования
Кемеровского государственного университета

Belogai Ksenia Nikolaevna

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Acmeology
and Developmental Psychology,
Institute of Education,
Kemerovo State University

Евсеенкова Елена Вячеславовна

магистр психолого-педагогического образования,
ассистент кафедры акмеологии
и психологии развития
Института образования
Кемеровского государственного университета

Evseenkova Elena Vyacheslavovna

Master of Psychology and Education,
Assistant Professor, Acmeology
and Developmental Psychology Department,
Institute of Education,
Kemerovo State University

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК ПРЕДИКТОР СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ [1]

PSYCHOLOGICAL STRESS IN TEENAGERS AS A PREDICTOR OF SUICIDAL RISK: GENDER ASPECTS OF THE PROBLEM [1]

Аннотация:

В статье анализируются результаты исследования нервно-психического напряжения как предиктора суицидального риска у подростков в гендерном аспекте. Приводятся данные российских и зарубежных исследований суицидального поведения юношей и девушек, обозначаются причины гендерного парадокса. Установлено, что существуют гендерные различия в показателях нервно-психического напряжения у подростков. В частности, у девушек в среднем выше уровень депрессии и физиологической составляющей рассматриваемого феномена. При этом доминирующее психическое состояние подростков 15–18 лет характеризуется невысоким уровнем активности и средним уровнем спокойствия, тонуса и устойчивости эмоционального тона; спокойствие и устойчивость эмоционального тона выше у юношей. Девушки чаще выбирают все основные стратегии совладающего поведения: решение проблем, поиск поддержки и избегание. У юношей и девушек различается структура взаимосвязей показателей нервно-психического напряжения и суицидального поведения. Сделан вывод о том, что проективные методы могут использоваться для скрининговой диагностики, так как позволяют выделить группу риска среди подростков, например подростки, подверженные депрессии. Юноши, считающие проективные ситуации безнадежными, имеют более высокий уровень депрессии по сравнению с аналогичной группой девушек.

Ключевые слова:

подростковый суицид, нервно-психическое напряжение, предикторы суицидального риска, гендерные различия, подростковый возраст, депрессия, безнадежность, тупиковые ситуации.

Summary:

The paper analyzes the results of a study of psychological stress as a predictor of suicidal risk in adolescents in a gender perspective. It reviews the data of Russian and foreign studies of suicidal behavior in boys and girls and provides the reasons for the gender paradox. The data demonstrates that there are gender differences in the indicators of psychological stress in adolescents. In particular, girls on average have a higher level of depression and of the physiological component of the phenomenon under consideration. Moreover, the dominant mental state of 15–18 year old adolescents is characterized by a low level of activity and an average level of calmness, arousal, and affective tone stability; the calmness and the affective tone stability are higher in boys. Girls are more prone to choose all the basic strategies of coping behavior: problem solving, support seeking, and avoidance. The structure of relationship between indicators of psychological stress and suicidal behavior is different in boys and girls. The study concludes that projective methods can be used for screening, as they allow to identify a risk group among adolescents, for example, depression prone adolescents. Boys who consider projective situations hopeless have a higher level of depression compared to a similar group of girls.

Keywords:

adolescent suicide, psychological stress, predictors of suicidal risk, gender differences, teenage years, depression, hopelessness, deadlock situations.

Введение

Во всем мире самоубийство является второй по значимости причиной смерти среди людей 15–29 лет [2]. Уровень самоубийств среди мальчиков и мужчин в 2–4 раза выше по сравнению с девочками и женщинами. В то же самое время девочки чаще совершают попытки самоубийств: по разным данным в 3–9 раз чаще [3]. Возможно, это связано с различными целями совершения подобных действий: для мужчин суицид представляет собой способ решения проблемы, которую они не могут решить другим способом, а для женщин имеет значение факт «попытки», представляющей собой «крик о помощи», демонстративное поведение. Данный тезис может быть подтвержден данными, приведенными в исследовании Н.А. Орловой, которая описывает разные способы совершения суицида: мужчины чаще выбирают высоколетальные способы (например, огнестрельное ранение, повешение), женщины – менее насильственные (например, отравление) [4]. Решение о самоубийстве у мужчин чаще носит спланированный, у женщин – спонтанный характер. Выявление рисков, связанных с гендером, позволит разрабатывать более эффективные программы профилактики самоубийств.

В контексте исследований самоубийств гендерные различия в показателях суицидального поведения известны как «гендерный парадокс» [5]. Согласно данным, полученным в исследованиях М.Р. Томпсона и Л.М. Лайт, частота попыток самоубийств среди женщин увеличивается с возрастом, достигая максимума в середине подросткового возраста [6], тогда как частота самоубийств среди мужчин возрастает до ранней взрослости [7].

Рассмотрим основные причины, провоцирующие возникновение попыток суицида у девушек и юношей. Общими факторами риска суицидального поведения для подростков обоего пола являются психическое расстройство или расстройство, связанное со злоупотреблением психоактивными веществами, а также подверженность насилию. Следует согласиться с точкой зрения К.В. Сыроквашиной и Е.Г. Дозорцевой, которые, выделяя факторы риска суицидального поведения для девушек, констатируют доминирующее влияние таких феноменов, как расстройства пищевого поведения [8], посттравматические стрессовые расстройства, биполярные расстройства, насилие, депрессивные симптомы, межличностные проблемы и предшествующий аборт. Факторами риска для юношей являются поведенческие нарушения, безнадежность, развод родителей, суицидальное поведение кого-то из друзей, доступ к средствам совершения самоубийства, например огнестрельному оружию.

Преыдушие попытки самоубийства являются одним из самых сильных предикторов смерти от самоубийства [9], особенно среди женщин.

Одно из основных направлений исследований возможностей превенции подростковых самоубийств – поиск факторов риска возникновения стремления к самоповреждению у подростков. Согласно данным, полученным Д.Л. Фоли с коллегами, суицидальный риск значительно увеличивается при наличии депрессии и тревоги [10]. С суицидом коррелирует социальный стресс, например, вызванный межличностными конфликтами с друзьями, семьей или правоохранительными органами, и такие эмоциональные факторы, как чувство отчаяния или безнадежности [11].

Существуют разные объяснения гендерных различий в суицидальном поведении и его предикторах. Например, по мнению М. Кесса и коллег, гендерные различия в суицидальном поведении могут быть объяснены различиями в эмоциональных и поведенческих проблемах [12]. Р. Мергл с соавторами предлагает другое объяснение, которое заключается в том, что среди мальчиков и мужчин распространены расстройства поведения, расстройства, вызванные злоупотреблением психоактивными веществами, девиантное поведение [13]. Важным обоснованием наличия гендерных различий выступает факт результативности сделанных попыток. По мнению А. Варник и коллег, парни чаще выбирают способы ухода из жизни с высокой летальностью [14]. Б. Марс указывает на то, что для девочек более характерны расстройства настроения, через которые опосредованно связаны суицидальные мысли и поведение [15]. М. Стрейтон, К. Рое и Х. Хьельмеланд рассматривают суицидальные мысли и самоповреждение в связи с положительными и отрицательными аспектами традиционной мужской и женской ролей. Согласно их данным, отрицательная женственность положительно связана с самоповреждением и недавними суицидальными мыслями. Положительная мужественность отрицательно связана с суицидальными идеями и самоповреждением, в то время как отрицательная мужественность отрицательно связана только с самоповреждением. По мнению авторов, полученные данные свидетельствуют о том, что попытки самоубийства связаны не с традиционной женской гендерной ролью как таковой, а с конкретными негативно оцениваемыми аспектами. Концептуализация пола как многовариантной конструкции может быть полезна в теории суицидального поведения в гендерной социализации [16].

М. Илдыз с соавторами, опросив 2035 турецких подростков, выявили, что выставление напоказ в социальных сетях различных аспектов суицидального поведения, визуализация способов и последствий значимо связаны с повышенным риском попытки самоубийства, кроме того, подобные проявления суицидальности усугубляют существующие гендерные различия (способствуют более высокому риску попытки среди девочек) [17].

Описывая влияние СМИ и социальных сетей на риск суицидального поведения, важно помнить, что, по мнению Т.В. Шипуновой и Д.В. Фоминой, при выборе моделей рискованного, девиантного поведения юноши исходят из стремления к удовлетворению своих потребностей, а девушки ориентированы на мнение и образцы поведения других людей в их окружении [18].

В рамках настоящего проекта мы выявляем предикторы суицидальных рисков у подростков. В предыдущих публикациях было показано, что нервно-психическое напряжение выступает предиктором суицидального риска [19]. В настоящей статье рассмотрим гендерные различия в показателях нервно-психического напряжения у подростков.

Организация исследования и методы

Исследованием было охвачено 453 человека (212 девочек и 241 мальчик) – учащиеся 9–11-х классов общеобразовательных школ, лицеев и техникумов Кемерова и Новокузнецка в возрасте от 15 до 18 лет ($M = 16,7$; $SD = 1,31$). Подростки принимали участие в исследовании добровольно, также согласие на проведение исследования было получено у родителей.

Сбор данных осуществлялся при помощи компьютерной программы [20].

Методики, использованные в исследовании [21]: опросник «Hopelessness Scale for Children» (Детская шкала безнадежности – ДШБ) в переводе Ю.В. Борисенко, К.Н. Белогай и Е.В. Евсеенковой; опросник «Причины жить» (Reasons for Life Scale), взрослый вариант М. Линихэн в адаптации Ю.В. Борисенко, К.Н. Белогай, Е.В. Евсеенковой; краткий вариант опросника доминирующего состояния Л.В. Куликова; подростковый вариант опросника депрессии А. Бека; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; методика «Оценки нервно-психического напряжения» Т.А. Немчина; проективная методика «Тупиковые ситуации» К.Н. Белогай, Ю.В. Борисенко, И.С. Морозовой и Е.В. Евсеенковой.

Статистический анализ данных заключался в расчете описательных статистик, проведении корреляционного и дисперсионного анализа, сравнении выборочных средних при помощи t-критерия Стьюдента. Для обработки данных использовались программы STATISTICA 10 и SPSS17.

Обсуждение результатов исследования

Сравнивая показатели нервно-психического напряжения у юношей и девушек, выявленные при помощи методики А. Бека, опросника «Детская шкала безнадежности» и методики Т.А. Немчина, мы обнаружили следующие различия (таблица 1).

Таблица 1 – Средние значения показателей нервно-психического напряжения у юношей и девушек

Показатель	Среднее значение		p
	Юноши	Девушки	
Уровень депрессии по опроснику А. Бека	5,78	7,13	0,01
Напряжение, измеряемое «Детской шкалой безнадежности»	4,96	4,59	0,21
Физиологические составляющие нервно-психического напряжения (по опроснику Т.А. Немчина)	41,01	43,54	0,02

Мы получили ожидаемо более высокие показатели депрессии в группе девушек ($p \leq 0,01$). При этом уровень безнадежности значимо не различается в двух группах подростков. Физиологические составляющие нервно-психического напряжения, измеренные при помощи опросника Т.А. Немчина, также являются более высокими у девушек. Полученные данные согласуются с результатами других авторов, демонстрирующих, что для девушек более характерны расстройства настроения и депрессия.

Что касается других показателей, связанных с нервно-психическим напряжением, мы отмечаем наличие следующих различий. Доминирующее состояние подростков имеет следующие особенности. В целом для них характерна достаточно низкая активность. При этом более высокие показатели (на уровне тенденции) отмечаются у девушек. Показатели тонуса, ощущения жизненной энергии, уровня удовлетворенности жизнью и наличие положительного образа себя значимо не различаются в обследованных группах и имеют средний уровень. Следует отметить наличие значимых различий в показателях «устойчивость эмоционального тона» и «спокойствие» – оба показателя значимо выше у юношей. Полученные данные свидетельствуют о том, что для девушек более характерны проявления тревоги и переменчивость настроения (таблица 2).

Таблица 2 – Средние значения характеристик доминирующего состояния у юношей и девушек

Характеристика доминирующего состояния	Среднее значение		р
	Юноши	Девушки	
Активность	40,06	42,56	0,05
Тонус	48,64	47,39	0,36
Спокойствие	52,77	50,43	0,06
Удовлетворенность жизнью	55,82	54,15	0,21
Устойчивость эмоционального тона	54,52	51,22	0,01
Положительный образ себя	52,80	50,97	0,16

Данные, представленные в таблице 2, позволяют констатировать наличие гендерных различий в характеристиках доминирующих состояний подростков. Перейдем к описанию данных, полученных по методике «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана. Наряду с проанализированными показателями, нас интересовали копинги, используемые подростками обоего пола, так как мы предполагали, что существует определенная взаимосвязь между выбираемыми копингами и особенностями поведенческих реакций подростков, в том числе и вероятностью проявлений аутодеструктивного поведения. Различия в копингах подростков представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Средние значения выбираемых копинг-стратегий у юношей и девушек

Копинг-стратегия	Среднее значение		р
	Юноши	Девушки	
Разрешение проблем	23,21	24,60	0,00
Поиск социальной поддержки	20,36	22,52	0,00
Избегание проблем	19,68	20,60	0,01

Согласно данным, приведенным в таблице 3, считаем возможным констатировать более выраженные показатели копинг-стратегий именно у девушек. И если значительные различия в такой копинг-стратегии, как «поиск социальной поддержки», выглядят вполне ожидаемыми, то использование девушками копинг-стратегии «разрешение проблем» представляет собой результат, требующий дальнейшего изучения. Возможно, это связано с тенденцией более активного отношения к жизненной ситуации у девочек (см. таблицу 2).

При помощи опросника «Причины жить» мы проанализировали такой аспект суицидального поведения, как причины не совершать самоубийство (таблица 4). «Ответственность перед семьей», «страх суицида» и «моральные причины» имеют более высокие показатели выраженности именно у девушек ($p \leq 0,001$), «страх социального неодобрения» у девушек выше на уровне тенденции ($p \leq 0,05$). Авторы методики считают, что более высокие показатели по шкале «страх суицида» могут указывать на наличие суицидальных мыслей.

Таблица 4 – Средние значения выбираемых причин не совершать самоубийство у юношей и девушек

Причины не совершать самоубийство	Среднее значение		р
	Юноши	Девушки	
Ответственность перед семьей	4,49	4,74	0,00
Страх суицида	3,62	4,00	0,00
Страх социального неодобрения	3,65	3,87	0,05
Моральные причины	3,29	3,67	0,00

Рассматривая гендерные различия в показателях нервно-психического напряжения в группах подростков, считаем необходимым проанализировать взаимосвязи между изучаемыми показателями.

Описывая структурные характеристики обследованных групп, мы обнаружили, что в группе девушек имеется больше корреляционных взаимосвязей между такими показателями, как «причины не совершать самоубийство», уровнями «депрессия», «безнадежность», «физиологическая составляющая напряжения» (таблица 5). Имеются обратные корреляции между показателями «причины не совершать самоубийство» со всеми показателями нервно-психического напряжения, а также прямые корреляции – с большинством параметров доминирующего состояния девушек подросткового возраста. Такие копинг-стратегии, как «разрешение проблем» и «поиск поддержки», прямо коррелируют с «причинами не совершать самоубийство», а копинг-стратегия «избегание проблем» имеет обратную корреляцию.

Таблица 5 – Взаимосвязь причин не совершать самоубийство с показателями нервно-психического напряжения в группе девушек ($p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$)

Показатель нервно-психического напряжения	Причины не совершать самоубийство			
	Ответственность перед семьей	Страх суицида	Страх социального неодобрения	Моральные причины
Уровень депрессии по опроснику А. Бека	-0,29	-0,18	-0,22	-0,34
Напряжение, измеряемое «Детской шкалой безнадежности»	-0,24	-0,18	-0,24	-0,20
Физиологические составляющие нервно-психического напряжения (по опроснику Т.А. Немчина)	-0,25	-0,22	-0,29	-0,26
Активность	0,20 *		0,30	0,37
Тонус			0,14 *	0,21
Спокойствие	0,16 *	0,15 *	0,14 *	0,25
Удовлетворенность жизнью	0,17 *	0,17 *	0,14 *	0,28
Устойчивость эмоционального тона	0,16 *	0,16 *		0,21
Положительный образ себя	0,15 *	0,18 *	0,16 *	0,27
Разрешение проблем	0,21	0,19	0,20	0,32
Поиск социальной поддержки	0,18	0,17 *		0,29
Избегание проблем	-0,16 *	-0,19	-0,16 *	-0,21

Что касается юношей, причины не совершать самоубийство у них не связаны с физиологическими проявлениями нервно-психического напряжения, но имеются прямые связи (в ряде случаев – на уровне тенденции) с доминирующим состоянием. В отличие от девушек, преобладающая копинг-стратегия «избегание проблем» у юношей значимо не коррелирует с причинами не совершать самоубийство (таблица 6).

Таблица 6 – Взаимосвязь причин не совершать самоубийство с показателями нервно-психического напряжения в группе юношей ($p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$)

Показатель нервно-психического напряжения	Причины не совершать самоубийство			
	Ответственность перед семьей	Страх суицида	Страх социального неодобрения	Моральные причины
Уровень депрессии по опроснику А. Бека	-0,26			-0,29
Напряжение, измеряемое «Детской шкалой безнадежности»	-0,29	-0,2		-0,30
Физиологические составляющие нервно-психического напряжения (по опроснику Т.А. Немчина)				
Активность	0,25			0,26
Тонус	0,35	0,25	0,25	0,30
Спокойствие	0,28	0,18 *	0,26	0,33
Удовлетворенность жизнью	0,24	0,15 *	0,21	0,28
Устойчивость эмоционального тона	0,23	0,15 *	0,25	0,26
Положительный образ себя	0,21	0,18 *	0,21	0,25
Разрешение проблем	0,29	0,28	0,20	0,38
Поиск социальной поддержки	0,19	0,20		0,28
Избегание проблем				

Анализируя результаты, полученные при помощи проективной методики, мы приходим к выводу, что данная методика позволяет отделить группу подростков, которую можно рассматривать как группу риска относительно нервно-психического напряжения. При этом заметны гендерные различия в изучаемых показателях (рисунок 1).

На рисунке показаны данные, описывающие выбор подростками различных способов решения проективной ситуации, связанной с проблемами в любовных отношениях. И девушки, и юноши, считающие ситуацию предательства любимым человеком безнадежной (тупиковая ситуация), имеют значимо более высокий уровень депрессии по сравнению с теми, кто справляется с ней самостоятельно (самостоятельное решение) или при помощи другого человека (обращение

за помощью). Мы констатируем значимые различия в показателе «депрессия» у юношей, не видящих выхода из такой ситуации (тупиковая ситуация), уровень депрессии у них выше по сравнению с девушками.

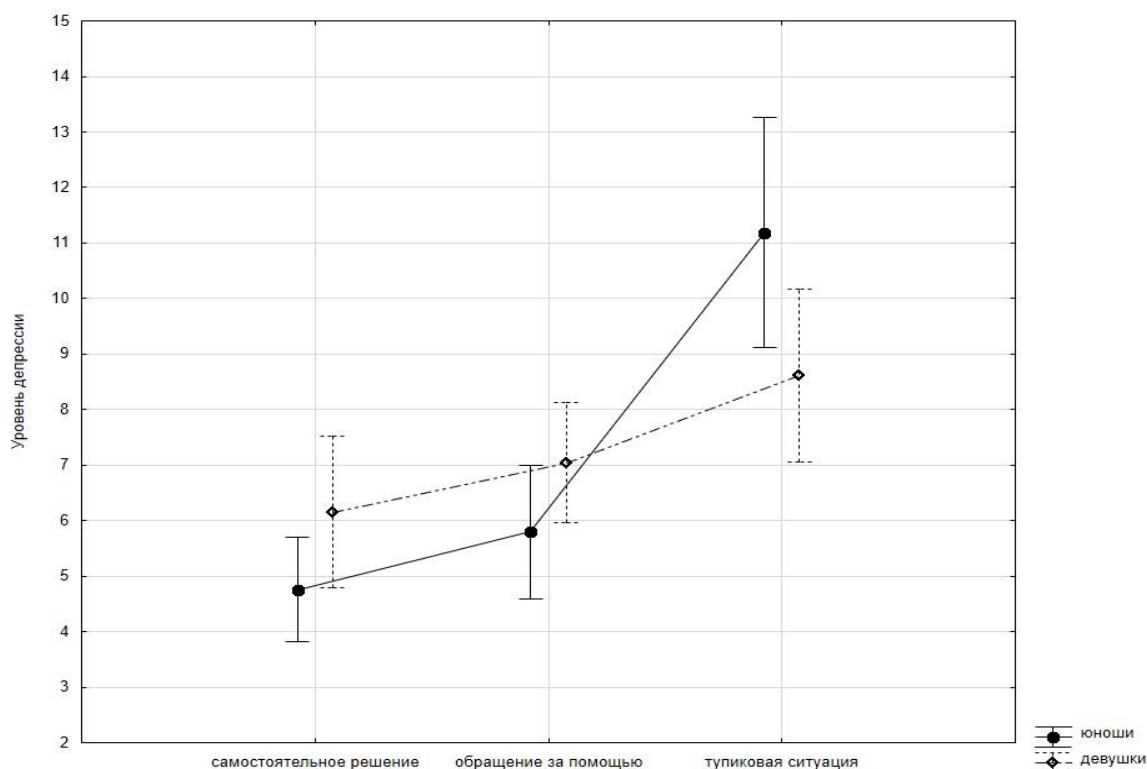


Рисунок 1 – Уровень депрессии у юношей и девушек, выбирающих разные способы решения проективной ситуации, связанной с проблемами в любовных отношениях ($p \leq 0,02$)

Выводы

1. Получены экспериментальные данные, подтверждающие теоретически обоснованные гендерные различия в показателях нервно-психического напряжения у подростков 15–18 лет.
2. У девушек в среднем выше уровень депрессии и физиологической составляющей рассматриваемого феномена.
3. Доминирующее психическое состояние подростков характеризуется невысоким уровнем активности и средним уровнем спокойствия, тона и устойчивости эмоционального тона. При этом спокойствие и устойчивость эмоционального тона выше у юношей.
4. Девушки чаще выбирают все основные стратегии совладающего поведения: решение проблем, поиск поддержки и избегание.
5. Структура взаимосвязей показателей нервно-психического напряжения и суицидального поведения в группах юношей и девушек существенно различается.
6. Проективные методы могут использоваться для скрининговой диагностики, так как позволяют выделить группу риска среди подростков, например подростки, подверженные депрессии. Юноши, считающие проективные ситуации безнадежными, имеют более высокий уровень депрессии по сравнению с аналогичной группой девушек.
7. Различия в параметрах нервно-психического напряжения подростков имеют гендерную обусловленность и могут рассматриваться в качестве предикторов суицидального риска. Учет особенностей доминирующего психического состояния, депрессивного состояния, а также преобладающих стратегий совладания обеспечит результативность превентивных мер, направленных на снижение рисков суицидального поведения подростков.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-00210 А «Разработка стратегии суицидальной превенции в школе: комплексная оценка суицидальных тенденций, нечеткая модель, факторы риска развития, направления профилактики».
2. Suicide Data [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/ (дата обращения: 12.09.2019).

3. Youth Risk Behavior Surveillance – United States, 2011 [Электронный ресурс] : Morbidity and Mortality Weekly Report (MMWR) / D. Eaton, et al. 2012. № 61. 162 p. URL: <https://www.cdc.gov/mmwr/preview/mmwrhtml/ss6104a1.htm> (дата обращения: 12.09.2019).
4. Орлова Н.А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 35–37.
5. Gender Differences in Suicidal Behavior in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Studies / A. Miranda-Mendizabal, et al. // International Journal of Public Health. 2019. Vol. 64, iss. 2. P. 265–283. <http://dx.doi.org/10.1007/s00038-018-1196-1>.
6. Thompson M.P., Light L.S. Examining Gender Differences in Risk Factors for Suicide Attempts Made 1 and 7 Years Later in a Nationally Representative Sample // Journal of Adolescent Health. 2011. Vol. 48, iss. 4. P. 391–397. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jadohealth.2010.07.018>.
7. Health, United States, 2008. With Special Feature on the Health of Young Adults [Электронный ресурс]. Washington, DC, 2008. URL: <http://www.cdc.gov/nchs/data/abus/abus08.pdf> (дата обращения: 21.09.2019).
8. Сыроковашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3. С. 8–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240302>.
9. Adolescents' Self-Reported Suicide Attempts, Self-Harm Thoughts and Their Correlates Across 17 European Countries / A. Kokkevi, et al. // The Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2012. Vol. 53, iss. 4. P. 381–389. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-7610.2011.02457.x>.
10. Proximal Psychiatric Risk Factors for Suicidality in Youth: The Great Smoky Mountains Study / D.L. Foley, et al. // Archives of General Psychiatry. 2006. Vol. 63, iss. 9. P. 1017–1024. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.9.1017>.
11. Precipitating Factors and Life Events in Serious Suicide Attempts Among Youths Aged 13 Through 24 Years / A.L. Beautrais, et al. // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 1997. Vol. 36, iss. 11. P. 1543–1551. [http://dx.doi.org/10.1016/S0890-8567\(09\)66563-1](http://dx.doi.org/10.1016/S0890-8567(09)66563-1).
12. Explaining Gender Differences in Non-Fatal Suicidal Behaviour Among Adolescents: A Population-based Study / M. Kaess, et al. // BMC Public Health. 2011. No. 11. P. 597. <http://dx.doi.org/10.1186/1471-2458-11-597>.
13. What Are Reasons for the Large Gender Differences in the Lethality of Suicidal Acts? An Epidemiological Analysis in Four European Countries / R. Mergl, et al. // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. P. 1–18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0129062>.
14. Suicide Methods in Europe: A Gender-Specific Analysis of Countries Participating in the “European Alliance Against Depression” / A. Värnik, et al. // Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. № 62. P. 545–551. <http://dx.doi.org/10.1136/jech.2007.065391>.
15. Differences in Risk Factors for Self-Harm With and Without Suicidal Intent: Findings From the ALSPAC Cohort / B. Mars, et al. // Journal of Affective Disorders. 2014. Vol. 168. P. 407–414. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2014.07.009>.
16. Straiton M., Roen K., Hjelmeland H. Gender Roles, Suicidal Ideation, and Self-Harming in Young Adults // Archives of Suicide Research: Official Journal of the International Academy for Suicide Research. 2012. Vol. 16, iss. 1. P. 29–43. <http://dx.doi.org/10.1080/13811118.2012.640613>.
17. Suicide Contagion, Gender, and Suicide Attempts Among Adolescents / M. Yildiz, et al. // Death Studies. 2018. Vol. 43, iss. 6. P. 365–371. <http://dx.doi.org/10.1080/07481187.2018.1478914>.
18. Шипунова Т.В., Фомина Д.В. Гендерные особенности девиантного поведения и конструирование его рисков в студенческом дискурсе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 15–22.
19. Использование нечеткой модели для комплексной оценки риска суицидального поведения подростков / Е.В. Евсеенкова [и др.] // Суицидология. 2019. Т. 10, № 2 (35). С. 72–81.
20. Программа сбора данных для комплексной оценки суицидального риска школьников. Свидетельство о государственной регистрации № 2019610299 от 09.01.19 / А.А. Киндяков [и др.].
21. Диагностика склонности к аутодеструктивному и суицидальному поведению у подростков [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Ю.В. Борисенко [и др.]. Кемерово, 2018.

References:

- Beautrais, AL, et al. 1997, 'Precipitating Factors and Life Events in Serious Suicide Attempts Among Youths Aged 13 Through 24 Years', *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 36, iss. 11, pp. 1543-1551, [http://dx.doi.org/10.1016/S0890-8567\(09\)66563-1](http://dx.doi.org/10.1016/S0890-8567(09)66563-1).
- Borisenko, YuV, Evseenkova, EV, Morozova, IS, Belogay, KN & Kagan, ES 2018, *Diagnostics of Proneness to Self-Destructive and Suicidal Behaviour in Adolescents: a Study Guide*, Кемерово, (in Russian).
- Eaton, D, et al. 2012, *Youth Risk Behavior Surveillance – United States, 2011: Morbidity and Mortality Weekly Report (MMWR)*, no. 61, 162 p., viewed 12 September 2019, <<https://www.cdc.gov/mmwr/preview/mmwrhtml/ss6104a1.htm>>.
- Evseenkova, EV, et al. 2019, 'The Use of a Fuzzy Model for Complex Evaluation of Suicidal Risk Behaviour in Adolescents', *Suitsidologiya*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 72-81, (in Russian).
- Foley, DL, Goldston, DB, Costello, EJ & Angold, A 2006, 'Proximal Psychiatric Risk Factors for Suicidality in Youth: the Great Smoky Mountains Study', *Archives of General Psychiatry*, vol. 63, iss. 9, pp. 1017-1024, <https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.9.1017>.
- Kaess, M, Parzer, P, Haffner, J, Steen, R, Roos, J, Klett, M, Brunner, R & Resch, F 2011, 'Explaining Gender Differences in Non-Fatal Suicidal Behaviour Among Adolescents: a Population-Based Study', *BMC Public Health*, no. 11, p. 597, <http://dx.doi.org/10.1186/1471-2458-11-597>.
- Kokkevi, A, Rotsika, V, Arapaki, F & Richardson, C 2012, 'Adolescents' Self-Reported Suicide Attempts, Self-Harm Thoughts and Their Correlates Across 17 European Countries', *The Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, vol. 53, iss. 4, pp. 381-389, <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-7610.2011.02457.x>.
- Mars, B, et al. 2014, 'Differences in Risk Factors for Self-Harm With and Without Suicidal Intent: Findings From the ALSPAC Cohort', *Journal of Affective Disorders*, vol. 168, pp. 407-414, <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2014.07.009>.
- Mergl, R, et al. 2015, 'What are Reasons for the Large Gender Differences in the Lethality of Suicidal Acts? An Epidemiological Analysis in Four European Countries', *PLoS ONE*, vol. 10, pp. 1-18, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0129062>.
- Miranda-Mendizabal, A, et al. 2019, 'Gender Differences in Suicidal Behavior in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Studies', *International Journal of Public Health*, vol. 64, no. 2, pp. 265-283, <http://dx.doi.org/10.1007/s00038-018-1196-1>.
- Orlova, NA 2015, 'Gender Aspects of Suicides', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 20, pp. 35-37, (in Russian).
- Shipunova, TV & Fomina, DV 2016, 'Gender Features of Deviant Behaviour and Mapping of its Risks in Students Discourse', *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (24), pp. 15-22, (in Russian).

Straiton, M, Roen, K & Hjelmeland, H 2012, 'Gender Roles, Suicidal Ideation, and Self-Harming in Young Adults', *Archives of Suicide Research*, vol. 16, iss. 1, pp. 29-43, <http://dx.doi.org/10.1080/13811118.2012.640613>.

Syrovkashina, KV & Dozortseva, EG 2016, 'Psychological Risk Factors of Suicidal Behavior in Adolescents', *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 24, no. 3, pp. 8-24, <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240302>, (in Russian).

Thompson, MP & Light, LS 2011, 'Examining Gender Differences in Risk Factors for Suicide Attempts Made 1 and 7 Years Later in a Nationally Representative Sample', *Journal of Adolescent Health*, vol. 48, iss. 4, pp. 391-397, <http://dx.doi.org/10.1016/j.jadohealth.2010.07.018>.

Värnik, A, et al. 2008, 'Suicide Methods in Europe: a Gender-Specific Analysis of Countries Participating in the "European Alliance Against Depression"', *Journal of Epidemiology and Community Health*, no. 62, pp. 545-551, <http://dx.doi.org/10.1136/jech.2007.065391>.

Yildiz, M, et al. 2018, 'Suicide Contagion, Gender, and Suicide Attempts Among Adolescents', *Death Studies*, vol. 43, iss. 6, pp. 365-371, <http://dx.doi.org/10.1080/07481187.2018.1478914>.

Редактор: Смирнова Светлана Леонидовна
Переводчик: Жбан Екатерина Сергеевна